

БИБЛИОТЕКА ФРАНЦУЗСКОГО ДЕТЕКТИВА

БУАЛО- НАРСЕЖАК

ЖИЗНЬ
ВДРЕБЕЗГИ

БИБЛИОТЕКА ФРАНЦУЗСКОГО ДЕТЕКТИВА

**БУАЛО-
НАРСЕЖАК**

.....
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

COLLECTION DU ROMAN POLICIER FRANÇAIS

**BOILEAU-
NARCEJAC**

.....
ŒUVRES COMPLETES

VOL.

6

**LA VIE EN MIETTES
LE TRAIN BLEU S'ARRETE TREIZE FOIS...
MANIGANCES**

БИБЛИОТЕКА ФРАНЦУЗСКОГО ДЕТЕКТИВА

**БУАЛО-
НАРСЕЖАК**

.....
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

**ЖИЗНЬ
ВДРЕБЕЗГИ**

ТОМ

6

.....

ЖИЗНЬ ВДРЕБЕЗГИ

РОМАН

**ГОЛУБОЙ ЭКСПРЕСС
ДЕЛАЕТ 13 ОСТАНОВОК**

ХИТРОСПЛЕТЕНИЯ

РАССКАЗЫ

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Москва

1996

ББК 84.4 Фр
Б90

СЕРИЯ
«БИБЛИОТЕКА ФРАНЦУЗСКОГО ДЕТЕКТИВА»
ВЫПУСКАЕТСЯ С 1995 ГОДА

Составитель Л. Завьялова

Художник А. Вальдман

LA VIE EN MIETTES (1972)

© Editions Denoël

LE TRAIN BLEU S'ARRETE TREIZE FOIS... (1966)

© Editions Denoël

MANIGANCES (1971)

© Editions Denoël

Состав, перевод и художественное оформление
© торгово-издательское объединение «Центрполиграф», 1996

Издание на русском языке
© торгово-издательское объединение «Центрполиграф», 1996

ISBN 5-218-00085-X (Т. 6)
ISBN 5-218-00006-X

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

ХИТРОСПЛЕТЕНИЯ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Перевод с французского

А. Валетова

**БУАЛО-
НАРСЕЖАК**
.....
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

MANIGANCES

(1971)

© Editions Denoël

шийся на место преступления, — Гастон Сурлэ. Почему?.. Потому что он с первого же момента понял, что наконец-то у него есть возможность покончить со своим старым врагом Клеманом Бурса. Устранив кражу, которую он немедленно обнаружил, Гастон обставил убийство своего брата как преступление из мести. Бурса, конечно, обвинили бы, или, по крайней мере, ему пришлось бы покинуть кантон. Поэтому-то Гастон отправился к себе, чтобы прихватить три тысячи шестьсот пятьдесят франков и запихнуть их в портфельчик. Три тысячи шестьсот пятьдесят франков! По этому штриху можно измерить степень ненависти Гастона! Но и коварства — тоже! Он хорошо знал Марасэна, в котором мгновенно угадал виновного. Он понимал, что тот припрятал деньги в укромном месте. Он также понимал — любопытная подробность, — что будет наследником своего брата и таким образом три тысячи шестьсот пятьдесят франков в конце концов вернутся к нему!

Марасэн так и не признался. Лишь случайность сделала нас обладателями украденных денег. Он запрятал их в металлическую банку, которую, в свою очередь, вложил в садок для рыбной ловли, погруженный в воды Сарты среди линей и щук.

А Гастона обвинили в оскорблении должностных лиц и преступных махинациях. Он решил игнорировать общественное мнение. Однажды его нашли с веревкой на шее.

Загадка фуникулера

Это дело с фуникулером стоило мне головной боли. Если бы я в очередной раз прислушался к мнению того, кто впоследствии стал моим другом, — комиссара Мерлина, — то сразу смог бы с ним покончить. Но нет! Я поддался азарту погони, вместо того чтобы поразмыслить. А между тем он не раз повторял мне: «Воображение — да гони ты его вон! Преступник как фокусник. Если ты уставишься на его руки — считай, пропал. Главное — не терять из виду его глаз!» Легко сказать!

Преступление было совершено в фуникулере на Монмартре в половине девятого утра в начале марта. Я так и вижу эти места с необычайной отчетливостью, наверное, потому, что стояли холода и Париж был погружен в не-

привычный туман. Вспоминаю, как желтоватые тучи ползли по склонам Бютта, подобно тем облакам, что в раннее осеннее утро цепляются за склоны холмов в Оверни. С крохотной нижней платформы можно было лишь смутно различить верхнюю станцию, а рельсы, казалось, плавали в пустоте.

Я допросил единственного служащего, который продает билеты и закрывает дверь кабины. Он должен был ее заметить, потому что ей пришлось ждать несколько минут.

— До десяти — одиннадцати часов никогда не бывает много народу, — объяснил он мне. — Особенно на подъем. Несколько человек, которые хотят побывать на мессе в Сакре-Кёр, или ранние туристы...

— Она выглядела взволнованной или испуганной?

— Казалось, она замерзла. Слегка пританцовывала, чтобы согреться, и, главное, она, похоже, очень торопилась уехать.

— А мужчина?

Служащий помедлил.

— Он пришел как раз в тот момент, когда я собрался закрыть дверцу. У меня не хватило времени как следует рассмотреть его. В длинном черном плаще и в кепке или, может быть, берете.

— Не запомнилось ли вам, где они сидели?

— Она пристроилась с краю; он остался стоять.

— Сколько длится поездка?

— Да нисколько. Ну, минуту.

Преступление, совершенное менее чем за минуту, — это уже нечто незаурядное.

Я поднялся по лестнице, так как фуникулер на время отключили. По пути я перебирал в памяти предварительные результаты следствия, которые мне успели сообщить. Жертву звали Жаклин Дельвриер, двадцати трех лет, проживала на улице Лоншан. Комиссар полиции обнаружил ее на том самом месте, где она и упала — в глубине кабинки. Женщину удавили ее собственным шарфом. Во время падения дамская сумочка — очень дорогая, из крокодиловой кожи — раскрылась, и ее содержимое рассыпалось по полу; кое-что закатилось даже под сиденье: футляр для кредитных карточек, губная помада, пудреница, пачка сигарет «Честерфилд», зажигалка и малюсенький шелковый платочек. Без денег, что вроде бы давало основание

заключить, что Жаклин Дельвриер убили с целью ограбления, так как эта молодая, очень элегантная женщина — в английском костюме серого цвета от известного кутюрье — не прогуливалась конечно же по Парижу без хотя бы тысячефранковой купюры (в старых франках). Но что явилось абсолютной неожиданностью, так это обнаруженный в правом кармане серого костюма маленький автоматический пистолет с полной обоймой. Более того, в ствол загнан патрон, а сам пистолет снят с предохранителя.

Эта-то подробность и привела меня моментально в состояние возбуждения. Раз уж Жаклин Дельвриер была вооружена, то могла бы защищаться. Но зачем этой молодой женщине вооружаться? Значит, она опасалась, что на нее нападут? А кто? Пассажир, появившийся в последний момент? Между тем, если бы она его узнала, разве она бы не закричала, не попыталась выскочить, позвать на помощь служащего? Приближаясь к последней площадке лестницы, я решительно отогнал прочь эти назойливые вопросы.

Наверху небо слегка просветлело. Угадывался силуэт Сакре-Кёр, и временами проглядывало солнце.

Служитель находился в значительно более возбужденном состоянии, чем его коллега снизу, и мне стоило труда успокоить его.

— Погодите! Послушайте! Вы видели поднимающуюся кабину?

— Нет. Она неожиданно выскочила из тумана и почти сразу же остановилась. Стекла запотели и покрыты каплями воды. Внутри ничего не разобрать. Я открыл, и вышел какой-то господин, на которого я, безусловно, не обратил никакого внимания.

— Он, похоже, был одет в черный плащ?

— Возможно!.. Знаете, столько народа здесь проходит за день!.. Я подумал, что он приехал один. Я глянул внутрь кабинки — такое правило. Вы представить себе не можете, сколько забытых вещей приходится подбирать. Однажды так даже нашли шимпанзе!.. Короче говоря, я увидел тело.

— Мужчине достало времени, чтобы исчезнуть?

— Ну, сами посудите! Пара шагов — и вы на улице. Так что я увидел тело и сразу же понял, что дело нечисто... Если бы эта женщина просто почувствовала себя плохо, мужчина нас предупредил бы, правда? Он бы не

бросился бежать. На всякий случай я спросил у пассажиров, ожидавших на платформе, нет ли среди них врача. Их было семеро: три семинариста, один солдат, одна дама и два господина. Как раз один из этих двоих и поднял руку. Он сказал: «Я не врач, но все же смогу, может быть, оказать первую помощь». Тогда я его провел, и мы посмотрели. «Боюсь, как бы мы не опоздали», — заметил этот господин. Поскольку все остальные толпились у дверей, я попросил их отойти. Пришлось прикрикнуть на них: творилось что-то невообразимое. Они все хотели видеть. Один из семинаристов кричал: «Если кто-то при смерти, он имеет право на священника!» Мне пришлось оставить кого-нибудь покарать. Впрочем, несчастная уже умерла. Тогда я вызвал дежурный полицейский наряд.

Я задал еще несколько вопросов для очистки совести; когда я вновь спустился вниз, то знал не более того, что уже записал в своем первом отчете. Он лежал у меня в кармане, и я заглянул в него.

Жаклин Дельвриер была дочерью ювелира из пригорода Сент-Оноре. Ее муж, директор коммерческой службы крупной автомобильной фирмы, находился в то время в Германии, где с ним пытались связаться. Оставалось лишь ждать. Я добрался до дома семьи Дельвриер на улице Лоншан. Прислуга-испанка понимала меня с трудом. Тем не менее ей удалось мне сообщить, что ее хозяйка часто выходила из дому, заявлялись гости и что работать очень трудно. Да, семья выглядела крепкой... да, сам Дельвриер часто уезжал... Я не привык придавать большое значение словам домочадцев. Они помогают мне только определиться во взаимоотношениях между действующими лицами. На этот раз, признаюсь, все мне представлялось туманным. Почему Жаклин Дельвриер оказалась у подножия холма Бютт в половине девятого утра? Это время, когда светская женщина только просыпается. Прислуга сообщила мне, что накануне ее хозяйка легла поздно. К ужину пришли трое друзей семьи: господин и госпожа Лене и еще другой господин, фамилию которого она не знала, но который приходил часто. Господин Лене был доктором. Я записал эти подробности, потому что ничем не стоит пренебрегать, но у меня создалось впечатление, что они меня уведут от мужчины в плаще. Если только... Может быть, этот мужчи-

на — друг Жаклин Дельвриер? Может быть, им предстояло встретиться?.. Но пистолет?.. И зачем встречаться в фуникулере, поездка в котором так коротка, что нет времени поговорить? И потом, нечего и сомневаться: имело место ограбление.

Прислуга подтвердила: да, госпожа всегда имела при себе немного денег, несколько тысяч франков. А если речь шла о мнимом ограблении? Мужчина мог украсть купюры, чтобы ввести в заблуждение, заставить подумать о преступлении из корыстных побуждений. Впрочем, этот длинный черный плащ, эта кепка — все наталкивало на мысль, что неизвестный нарочно придал себе запоминающуюся внешность. Чем больше я перебирал в уме это дело, тем сильнее ощущал, что в жизни Жаклин Дельвриер существовала тайна. Я вернулся к себе в кабинет, а там — сюрприз. Отпечатки пальцев с пудреницы совпали с отпечатками в нашей картотеке. Они принадлежали некому Андре Берту, дважды судимому за кражу и недавно вышедшему из тюрьмы.

Я сразу же организовал розыск и принялся за досье Берту. Досье сравнительно скромное. Бедолага Берту! Типичная история: равнодушные родители, парнишка, который растет как придется; дурные знакомства и в завершение всего — пара краж со взломом. Короче говоря, мелкий воришка. По крайней мере, до сего момента. Так как других подозреваемых пока не имелось. Но собирался ли он убивать? Не правдоподобнее ли допустить, что он хотел только сломить сопротивление своей жертвы? А потом, потеряв хладнокровие, чувствуя, что кабинка вот-вот остановится, он сжал ей горло, притом сильно, слишком сильно... Затем он порылся в сумочке — отсюда и отпечатки... подобная ловкость ему свойственна. Пожалуй, я не далек от истины. Но как объяснить револьвер в кармане серого английского костюма?

Я нанес визит доктору Лене, одному из троих гостей молодой женщины.

— Мадам Дельвриер ладила с мужем?

— Без сомнения. Она ему даже много помогала, благодаря отличному знанию английского. До замужества она готовилась поступить в аспирантуру.

— У нее было собственное состояние?

— Да. Единственная дочь у отца, а он выказывал всегда большую щедрость.

— Не показалась ли она вам обеспокоенной или взволнованной на протяжении вечера?.. Я знаю, мой вопрос может вас удивить, но у меня свои причины...

— Так вот, откровенно говоря, не могу вам ответить. В обществе Жаклин всегда выглядела веселой. Она обожала движение, шум, даже суету. Я никогда ее не лечил, но полагаю, что, по сути, темпераментом она обладала беспокойным и импульсивным.

— Да, понятно. Спасибо!

В действительности я ничегошеньки не понимал. За неимением лучшего я решил допросить пассажиров, которые находились на верхней платформе фуникулера. Начал я с Филипа Лувеля, того, кто первым зашел в кабину. Кто знает? Он мог заметить какую-нибудь деталь, с виду незначительную, которая в дальнейшем ускользнула от следователей.

Филип Лувель — красавец лет двадцати пяти с симпатичным лицом. Забавно, все мужчины с ямочкой на подбородке неизменно производят на меня впечатление добродушных людей. Лувель любил поболтать, говорил он с легким акцентом, выдававшим в нем южанина. Увы! Он рассказывал главным образом о себе. Нет! Он не врач. Он начал заниматься медициной лишь по воле отца, а тот распоряжался всеми деньгами, так что пришлось повиноваться. Но после смерти отца он все забросил...

— Отец владел пивоварней, которую я сразу же ликвидировал. Я видел, как он работал день и ночь и копил, копил. Разве это и есть коммерция?.. Заметьте, что учеба... Вы знаете, сколько мне понадобилось лет, чтобы заполучить свои корочки?

Мне пришлось попотеть, чтобы вернуть его к нашей теме. Но и на этот раз он ухитрился поговорить о себе.

— Я подыскиваю себе что-нибудь на Монмартре, какую-нибудь квартиру с мастерской... Мне сообщили о просторной студии на улице Соль, так же...

— Хорошо! Хорошо!.. Итак, фуникулер остановился. Вы не обратили особого внимания на мужчину, который выходил?

— Если и видел его, то едва. Он быстро вышел. Не уверен, что узнал бы его...

— Когда вы вошли в кабину, ничто вас не поразило?

— Я смотрел лишь на эту несчастную женщину. По ее лицу я сразу же понял, что это была не естественная смерть. А потом я обнаружил шарф, затянутый вокруг ее шеи. Я констатировал, что сердце не бьется...

Я отказался от виски и продолжил свой обход. Прочие свидетели мне ни в чем не помогли.

На следующий день я познакомился с господином Дельвриером. Его разыскали накануне вечером, и он прилетел самолетом. Он пребывал в горе, и мне с ним трудно пришлось. Мне нужно было ему задать всего два или три вопроса. Нет, он не думал, что его жена могла носить с собой что-нибудь ценное; не обнаружил у себя исчезновения каких-либо драгоценностей. Деньги? Безусловно, он не знал, какая сумма находилась у несчастной в момент преступления. Самое большее — десять тысяч франков. Когда ей приходилось оплачивать какие-нибудь сравнительно крупные расходы, Жаклин Дельвриер пользовалась чековой книжкой. Что она могла делать в половине девятого на Монмартре? Он терялся в догадках. У них там не было ни родственников, ни друзей. Я не рассказал ему о револьвере. Он, безусловно, первым бы завел разговор об этой детали, если бы знал о ней. Я снова выразил свои соболезнования и пошел побродить в районе фуникулера.

С часами в руке, я проверил длительность поездки. Это было потрясающе. Надо было обладать действительно необыкновенным хладнокровием и смелостью, чтобы попытаться и осуществить столь рискованный ход за такое ограниченное время. Берту, наверное, сильно изменился в тюрьме. Конечно, туман ему существенно облегчил задачу, но тем не менее... Я исследовал задачу со всех сторон, напрашивался следующий вывод: виновный — Берту. Подталкиваемый нуждой, без средств к существованию, он ничего не замыслил заранее — у него и вправду был один шанс из ста оказаться один на один с пассажиркой! — напасть он решил на месте. Но револьвер? Револьвер?..

Его задержали вечером на выходе из метро, на площади Мобер. Напустив на себя грозный вид, я провел допрос, и он чистосердечно признался. Но выдал мне столь неправдоподобную историю, что я чуть было не пустил в ход руки. Ей-богу, он издевался надо мной! Едва кабинка тронулась, как пассажирка упала без со-

знания. Ее сумочка раскрылась, и ему оставалось лишь подобрать деньги.

— Сколько?

— Двести пятьдесят тысяч франков.

— Врешь!

Он дал адрес какой-то подозрительной гостиницы по улице Монтань-Сент-Женевьев. На дне чемодана, в рубашке, обнаружили пачки денег. Там было двести пятьдесят тысяч франков.

— Где ты их взял?

— В ее сумке.

— Ты знал мадам Дельвриер?

— В первый раз ее видел.

— Что ты собирался делать в половине девятого на Монмартре?

— Увидеться с приятелем, который назначил мне встречу.

— Где это?

— Площадь Тертр.

— Фамилия, адрес твоего приятеля?

— Не знаю. Я его в кафе встретил.

Мы сменялись поочередно в течение нескольких часов. Чуть не свихнулись. И все время он твердил одно и то же:

— Да говорю вам, упала она. Может, она была сердечницей, эта ваша красотка!

Однако врач, который проводил вскрытие, был категоричен: Жаклин Дельвриер умерла от удушения. Зачем Бертю отрицать очевидное? Я позвонил в банк. Мне ответили, что накануне преступления госпожа Дельвриер сняла со счета двести пятьдесят тысяч франков.

— Откуда ты знал, что она имела при себе столько денег?

— Ну не знал я этого!

К концу дня он выглядел весьма жалко, но убийство упорно отрицал. Я распорядился отвести его в камеру и схватился за голову руками. С одной стороны, рецидивист, недавно вышедший из тюрьмы. С другой стороны, молодая элегантная дама с револьвером и двумястами пятьюдесятью тысячами франков. Связь? Где между ними связь?.. И неожиданно — короткая, пустяковая мысль, которая запускает в действие всю машину.

А что, если ее и не существовало? Если Берту не врал? Если Жаклин Дельвриер действительно упала в обморок? Если он всего лишь рылся у нее в сумке?.. Допустим! Служащий видит распростертую женщину, поднимает тревогу. В кабину заходит пассажир, один. Затем... Затем обнаруживают Жаклин мертвой, задушенной. Таким образом, именно этот пассажир неизбежно и... Черт возьми! Об этом я не подумал. Я пал жертвой фокуса. Шеф был совершенно прав!

В машине, которая везла меня к Филипу Лувелю, я продолжал размышлять. Двести пятьдесят тысяч франков! Револьвер! Иными словами, выбор из двух решений. Я воскрешал в памяти образ красавца, который не любил трудиться.

Лувель был еще в постели. Сперва он вел себя дерзко. Но человек в пижаме всегда ощущает себя в зависимом положении, когда имеет дело с решительным собеседником. И он не выдержал. Его признания лишь подтвердили мою версию.

Жаклин встретила его, подпала под его обаяние и совершила ошибку, которая могла бы остаться без последствий, если бы Лувель не оказался шантажистом. Он сохранил письма. Обезумев, Жаклин несколько раз уступала его денежным требованиям. Но он продолжал вымогать...

О дальнейшем факты говорили сами за себя. Жаклин обзавелась револьвером, чтобы покончить с этим. Тем не менее она не могла полностью себе доверять, поэтому прихватила также и деньги. Хватит ли ей смелости?.. Она села в кабину. Через минуту она увидится с Лувелем, который ожидает ее на верхней платформе. Но волнение ее слишком велико. Нервы не выдерживают, она падает в обморок.

— Вопрос стоял: либо она, либо я, — сказал Лувель в свое оправдание. — Прочитайте вот это.

Это была записка, выпавшая из ее сумки и которую он предусмотрительно подобрал:

«Предпочитаю убить его, а потом себя. Прости».

Самое поразительное, что эта записка спасла ему жизнь. Его приговорили лишь к пожизненному заключению.

СОДЕРЖАНИЕ

Жизнь вдребезги. Роман

Перевод с французского А. Райской 7

Голубой экспресс делает 13 остановок. Сборник рассказов

Перевод с французского Л. Корнеевой 157

Хитросплетения. Сборник рассказов

Перевод с французского А. Валетова 293

Буало-Нарссжак
Б90 Полное собрание сочинений. Т. 6: Роман и рассказы. — Пер. с фр. — М.: Центрполиграф, 1996. — 569 с.

ISBN 5-218-00085-X (Т. 6)
ISBN 5-218-00006-X

В шестом томе Полного собрания сочинений Буало-Нарсжежака мы впервые знакомимся с их рассказами. Признанные романисты и в жанре короткого рассказа проявляют себя настоящими мастерами.

Быть может, ограниченное пространство новеллы и мешает свойственному им психологизму, зато в построении интриги и неожиданного финала «на пяточке» рассказа авторы явно выигрывают.

Пессимистическое восприятие современного мира сталкивается в представленных сборниках рассказов с необычайно жизнеутверждающим отношением к людям, населяющим эту зловещую действительность.

Читатели, которые познакомятся с шестым томом Полного собрания сочинений Буало-Нарсжежака, безусловно придут к выводу, что целостное представление об их творчестве невозможно без новеллистики.

ББК 84.4 Фр

Литературно-художественное издание

**ПЬЕР БУАЛО,
ТОМА НАРСЕЖАК**

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 6

Редактор В.Н. Новичкова

Художественный редактор А.И. Моисеев

Технический редактор В.Ф. Нефедова

Корректор М.В. Макарова

ЛР № 070243 от 21.11.91 г.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 07.05.96.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс».

Печать высокая. Усл. печ. л. 30,24. Уч.-изд. л. 32,81.

Тираж 10 000 экз. Заказ № 1214

Торгово-издательское объединение «Центрполиграф»
127018, Москва, Октябрьская ул., 18

АООТ «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

БУАЛО-НАРСЕЖАК

Буало и Нарсежак, чьи книги буквально взорвали изнутри традиционный детектив, открыли новую страницу в истории жанра. Вместо привычной «игры ума» для разгадки преступления, соавторы показывают трепетную живую жизнь, раскрывают внутренний мир своих персонажей, очеловечивают повествование. Они вводят в детективный жанр несвойственный ему прежде психологический анализ, который органично переплетается с увлекательным сюжетом. По сути дела они создали новый тип литературного произведения — детективно-психологический роман, где психология помогает раскрыть тайну преступления, а детективный сюжет углубляет и обостряет изображение душевного состояния человека, находящегося в экстремальной кризисной ситуации.

Буало и Нарсежак очень скоро получили всемирное признание. Они опубликовали с 1952 по 1995 год свыше сорока романов. Почти все их произведения переведены на многие языки мира и опубликованы огромными тиражами. Их часто экранизируют в кино и на телевидении.

Буало и Нарсежак заняли достойное место в ряду классиков детективной литературы, таких как Конан Дойл, Агата Кристи и Жорж Сименон.

Буало и Нарсежак, дополняя друг друга, выработали совершенно оригинальную и хорошо отработанную манеру письма, о чем можно судить хотя бы по тому, что и после смерти Пьера Буало в 1989 году его соавтор продолжает подписывать свои произведения двойной фамилией, ставшей известной во всем мире.

